

Р I 1285686

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

ЧЕТВЕРТЫЙ РИМ

**«ЭПОХА»
ПЕТЕРБУРГ
1922.**



ЧЕТВЕРТЫЙ РИМ.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

ЧЕТВЕРТЫЙ РИМ

**«ЭПОХА»
ПЕТЕРБУРГ
1922. —**

Р. В. Ц. Петроград. 23-я Госуд. тип. Б. Болотная, 10

Николаю Ильичу Архипову.

А теперь хожу в цилиндре
И в лаковых башмаках...

Сергей Есенин.

Не хочу быть знаменитым поэтом
В цилиндре и в лаковых башмаках,
Предстану миру в песню одетым
С медвежьим солнцем в зрачках,
С потемками хвой в бородине,
Где в случке с рысью рычит лесовик!
Я сплел из слов, как закат, лаптище
Баюкать чадо—столетний зык.—
В заклятой зыбке седые страхи,
Колдуньи дрёмы, горбун низги...
Мое лицо—ребенок на плахе,
Святитель в гостях у бабы-яги.

А сердце—изба, бревна сцеплены в лапу,
Там горница—ангелов пир,
И точат иконы рублевскую вану.
Молитв молоко и влюбленности сыр.
Там тайны чулан, лавка снов и раздумий,
Но горница сердца лобку не чета:
О, край золотых сенокосов и гумен!
О, ткацкая радуг и вёсен ланта!
К тебе притекают искатели кладов—
Персты мои—пять забубенных парней,
И в рыжем полесье, у жил водопадов
Буравят пласты до алмазных ключей.
Душа—звездонерый петух на нашесте
Заслушалась яростных чмоков сверла...
Стихи—огневица о милой невесте,
Чьи ядра—два венря, два лютых орла.

Не хочу укрывать цилиндром
Лесного чорта рога!
Седым кашалотам, зубаткам и выдрам
Моих океанов и рек берега!
Есть берег соснов, знойных ягодиц остров,
Долина пахов, плоскогорье колен;
Для гапок певучих и раковин пестрых
Сюда заплывает ватага сирен.
Но хмурится море колдующей плоти,
В волнах погребая страстей корабли,
Под флейту тритона на ляжек болоте
Полощется леший и духи земли.

О, плоть—голубые нагорные лины.
Где в губы цветений вонзились шмели,
Твои листопады сгребает Архивов
Граблями лобзаний в стихов кошеле!
Стихов кошеле полны линовым медом,
Подковами радуг, лесными ау...
Возлюбленный будет возлюблен народом
За то, что баюкал слезинку мою.
Возлюбленный—камень, где тысячи граней,
В их омуте плещет осетр—сатана,
В змеиной повязке, на серном кабане.
Блюдет сладострастье обители сна,
Возлюбленный—жатва на северном поле,
Где тучка—младенчик в венце гробовом,
Печаль журавинная русских раздолгий,
Спрядающих травы и звезды крестом.

Не хочу цилиндром и башмаками
Затыкать пробонну в барке души!
Цвету я как луг пзбяными коньками,
Улыбкой озер в песнозвонной тиши.
И верен я зыбке плакучей родимой,
Могилушке маминной, лигу гумна;
Зато, как щеглята летят серафимы
К кормушке моей, где любовь и весна.
Зато на моем песнолиственном дубе
Бессмертия птица и стая веков,
Варить Непомерное в черепа срубле
Сошлись колдуны у заклятых котлов.

В котлах печень мира и солнца вязига,
Безумия перец, укроп тишины...
Как первенец ясный столбчатая книга
Лежит на руках у родимой страны.
В той книге страницы—китовьи затоны,
На буквенных скалах лебяжий базар,
И каркают точки—морские вороны,
Почуя стихов ледовитый пожар.
В той книге строка—беломорские села
С бревенчатой сказкою изб и дворов,
Где темь—медвеженок, и бабы с подола
Стряхают словесных куниц и бобров.
Кукует зигзицею Дева-обида
Над слезкой России (о, камень драгий!..)
Когда-нибудь хрустнет небесная гнида—
Рябой полумесяц под ногтем стихий.

И зуд утолится, по ляжек болотам
Взойдет чистоты белоснежный ирис,
Запятым стихам отдадут словно сотам
Мед глаз ярославец, вогул и киргиз.

Не хочу быть лакированным портом
С обезьяньей славой на лбу!
С Ржаного Сная багряным заветом
Связую молот и мать—избу.
Связую думы и сны суслона
С многоязычным маховиком...
Я—Кит Наневов, у небосклона
Моря играют моим хвостом.
Блюду я, вечен и неизменен,
Печные крени, гупна пятау.
Цилою-рыбой кружит Есенин,
Меж ласт родимых ища мету.

Пилюю-рыбой прослыть почестно
У сонных крабов, глухих бодяг...
Как дед внученка качает вёсны
Паучьей лапой запечный мрак.
И зреют вёсны: блины, драчены,
Рогатый сырник, пузан-кулич...
«Для варки песен—всех стран Матрены
Соединяйтесь!»—несется клич.
Котел бессмертен, в поморьях щанных
Зареет яхонт—Четвертый Рим:
Еще немного, и в новых странах
Мы жолудь сердца Земле вручим.
В родных ладонях прозябнет дубом
Сердечный жолудь, листва—зрачки...
Подарят саван заводским трубам
Великой Азии пески.

И сядет ворон на череп Стали—
Питомец праха, судьбы маяк...
Затмит ли колоб на звездном сале
Сосцы ковриги,—башмачный лак?

Не хочу быть «кобыльим» поэтом,
Влюбленным в стойло, где хмара и кал!
Цветет в моих снах геенское лето
И в лязге строк кандалный Байкал.
Я вскормлен гумном, соловецким звоном
Что вьет как напевы гнезда в ушах.—
Это я плясал перед царским тронном
В крылатой поддёвке и злых сапогах
Это я зловещей совою
Влетел в Романовский дом,
Чтоб связать возмездье с судьбою
Неразрывным красным узлом,

Чтоб метлою пурги сибирской
Замести истории след...
Зырянин с душой нумидийской
Я—родной мужицкий поэт.—
Черномазой пахоты ухо
Жаворонковый ловит гром—
Не с того ль кряжистый Пантюха
Оселяет себя крестом.
Не от песни ль пошел в присядку
Звонкодугий лихой Валдай.
И забросил в кашную латку
Многострунный невод Китай.
На улов тарацит Европа
Окровавленный жадный глаз.
А в кисте у деда Антропа
Кудахчет павлиний сказ.

Анафема, Анафема вам,
Башмаки с безглазым цилиндром!
Пожалкую на вас стрижем
Речным плотикам и выдрам.

Попечалюсь родной могилке,
Коту, горшку—замарашке,
Чтобы дьявольские подпилки
Не грызли слезинок бляшки.

Чтоб была как подойник щедра
Душа молоком словесным.—
Не станут коврижные недра
Калачом поджарым и пресным.

Не будет лаковым Ключев,
Златорог—задорным кутёнком!
Легче согнуть в песках Чарджуев
С мягкозадым бачей-сартёнком.

В чай-хане дремать на циновке,
В полосатом курдском халате,
И видеть, как звезд подковки
Ныряют в небесной вате.

Как верблюдица—полумесяц
Пьет у Аллы с ладони...
У мускусных перелесиц
Замедлят времени кони.

И сойду я с певчей кобылы,
Кунак в предвечном ауле...
Ау, Николенька милый—
Живых поцелуев улей!

Ау! Я далеко, далеко...
Но в срок как жених вернуся,
Стихи—жемчуга востока
Сложить пред образом Руси.